

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА ДОРСКАЯ

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой международного права Российского государственного
педагогического университета имени А.И. Герцена

E-mail: adorskaya@yandex.ru.

В статье рассматривается деятельность комиссии по вероисповедным вопросам III Государственной думы. Показаны основные этапы обсуждения законопроектов, предложенных Правительством П.А. Столыпина. Раскрыто значение судьбы законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое» для дальнейшего процесса законодательного закрепления свободы совести в России.

Ключевые слова: свобода совести, вероисповедание, Государственная дума, Государственный совет, думские комиссии, законопроект.

**Деятельность комиссии по вероисповедным вопросам
Государственной думы III созыва (1907–1912)**

В истории правового регулирования свободы совести в дореволюционной России особая роль принадлежит нижней палате российского парламента — Государственной думе. Это связано с тем, что, во-первых, именно думцам предстояло разработать нормативно-правовую базу для реализации известного указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., с которого, собственно, можно говорить о становлении в России такого важного гражданского и политического права как свобода совести. Во-вторых, Постановление Временного правительства о свободе совести от 14 июля 1917 года содержало практически все основные пункты законопредложения фракции кадетов еще в I Государственной думе, а также последующие разработки, с отличием только в том, что о вневероисповедном состоянии говорилось открыто. Таким образом, можно считать, что в итоге в России, правда, на совсем короткий срок, победила думская концепция свободы совести.

Наиболее близки к законодательному закреплению свободы совести в России были депутаты III Государственной думы, которая начала работу 1 ноября 1907 г. Уже через пять дней правительство П.А. Столыпина внесло семь законопроектов о свободе совести, разработанных еще после роспуска Государственной думы I созыва¹. Первый законопроект был посвящен переходу из одного вероисповедания в другое и отмене статей, запрещающих этот переход. Законопроект «Об отношении государства к отдельным исповеданиям» содержал сохранение за православием всех привилегий, но несколько смягчал участь иноверцев и инославных, разрешал проповедание своего учения всем вероисповеданиям, не запрещенным законом. Третий законопроект «Об обеспечении последователям всех вероисповеданий свободы богослужения и отправления религиозных обрядов, сооружения и постройки молитвенных зданий» детально регламентировал указанные в названии вопросы. В законопроекте «Об инославных и иноверных религиозных обществах» разрабаты-

вался порядок образования и условия деятельности обществ, преследующих религиозные цели, в том числе и новых вероисповеданий и сект. Согласно пятому законопроекту «О семейственных правах», разрешались браки христиан с нехристианами, отменялись подписки о вере детей, рожденных в смешанных браках. Шестой законопроект отменял гражданские и политические ограничения, вытекающие из принадлежности к какому-либо вероисповеданию, и провозглашал принцип невмешательства гражданской власти в духовные отношения. Последний, седьмой, законопроект «О римско-католических монастырях» отменял запрет на прием новициев в монастыри.

22 ноября 1907 г. фракция октябристов за подписью 31 депутата подала заявление об избрании комиссий по вероисповедным и церковным вопросам (по 33 человека в каждой). Вопросы о старообрядцах было предложено рассмотреть во второй комиссии². В результате при 183 голосах против 155 при 24 воздержавшихся (представители польской и еврейской групп и мусульманской фракции) было решено создать отдельную комиссию по делам старообрядцев³.

Итак, механизм был создан: теперь законопроектами, связанными с вопросом о свободе совести, должны были заниматься три комиссии. Депутат Думы Л.Н. Нисселович так определял значение их работы: «Состав думских комиссий, в общем, построен на пропорциональном принципе, т.е. в каждую комиссию входит от каждой фракции количество членов, соответствующее численности каждой фракции. В виду этого оппозиция (польское коло и поляки северо-западного края, мирнообновленцы, прогрессисты, мусульманская фракция, кадеты, трудовая группа, социал-демократы), насчитывающая в своих рядах приблизительно 1/3 всего состава Думы, составляет в каждой комиссии не менее 1/3 общего числа членов. Поэтому решения, принятые при предварительном обсуждении законопроектов в комиссиях, по общему правилу проходят без изменений и в общих собраниях Думы, так что, строго говоря, все вопросы решаются не в общих собраниях Думы, а в ее комиссиях»⁴.

Работа комиссии по вероисповедным вопросам имела большое значение, так как должна была изменить правовой статус иноверцев и инославных в России, численность которых даже по официальным данным составляла не менее 30 % российского населения⁵. Если учесть, что вероисповедный вопрос тесно переплетался с национальным, становится понятно, что от его решения во многом зависела дальнейшая судьба Российской империи⁶.

В результате выборов в комиссию по вероисповедным вопросам вошло 13 октябристов, 5 правых, 8 умеренно-правых, 4 кадета, 1 народный демократ, 2 представителя польско-литовско-белорусской группы, 1 — мусульманской фракции, 1 — прогрессист⁷.

Вероисповедная комиссия отличалась от других двух комиссий, занимающихся вопросами свободы совести, конфессиональной принадлежностью своих членов. Тогда как в комиссии по делам Православной церкви участвовали только православные, в комиссии по старообрядческим вопросам было 3 старообрядца, 12 православных, в комиссию по вероисповедным вопросам первоначально было избрано 35 человек, из них: 21 православный, причем 8 имели духовный сан, 1

старообрядец, 4 католика, 2 иудея, 2 мусульманина, 3 евангелических лютеранина, 1 евангелист и 1 меннонит⁸.

Председателем вероисповедной комиссии сначала был избран Евлогий, епископ Холмский. Но представители мусульманской фракции подали протест, что комиссию по делам неправославных исповеданий возглавляет православное лицо, имеющее духовный сан. Вопрос вызвал дискуссию, и 17 мая 1908 г. Евлогий отказался от этой должности. Хотя сам епископ несколько иначе описывал эти события: «Как-то раз я погорячился (на меня напали евреи) и оказался в меньшинстве. Провалился я всего одним голосом по беспечности одного священника, который во время голосования загляделся на какое-то расписание в коридоре. Я счел провал за недоверие — и из председателей ушел. Меня сменил Каменский (октябрист, с уклоном к теософии и вообще оккультизму)»⁹. Современные исследователи дают несколько другое объяснение ухода Евлогия. Так, А.А. Сафонов считает, что «отказ епископа Евлогия от руководства вероисповедной комиссией был связан с противоречивым отношением православного духовенства к думскому законотворчеству в вероисповедных вопросах»¹⁰.

В первую сессию комиссия сосредоточилась, главным образом, на обсуждении министерского законопроекта «Об отношении государства к отдельным исповеданиям». Доклад по этому вопросу комиссия поручила А.Н. Ткачеву, юристу, землевладельцу Великолуцкого уезда Псковской губернии. Его выводы были следующими:

1) необходимо признать полное отделение от государства и его опеки всех «иноверных» церквей и сект. Отметим, что это противоречило министерскому законопроекту, содержащему положение, что провозглашение свободы совести не знаменует вовсе отделения церкви от государства;

2) нужно вернуть министру внутренних дел законопроект и просить его выработать новый на основе указанного в пункте 1 отделения;

3) каждое лицо или общество должно пользоваться правом свободно исповедовать или отрицать веру и исповедание по убеждению своей совести, не давая никому отчета в своей вере или безверии;

4) не должно быть никаких преимуществ или ограничений для иноверных обществ;

5) каждому лицу или обществу должно быть предоставлено:

- право определять свои понятия о Боге и отношении к нему,
- право совершать в особом общественном здании, ограде или частном жилище молитвы, богослужения, обряды, жертвоприношения, таинства и призывать колокольным звоном или иным способом единоверцев к общему богослужению,
- право свободно и независимо избирать своих священнослужителей или наставников, сообщая их имена местной полиции,
- право устраивать на основании общих законов молитвенные здания и ограды, предназначенные для религиозных целей или погребения мертвых, а также благотворительные и просветительные учреждения,
- право пользоваться всеми гражданскими правами;

б) установить уголовную ответственность за проповедь, совершение богослужений вне зданий или ограды, за тайные собрания, поучения, богослужения и жертвы, за совращение в свою веру иноверцев путем уговоров, обещания выгод, угрозами, нравственным или телесным принуждением¹¹.

Доклад вызвал в комиссии бурное обсуждение, прежде всего по вопросу о допущении свободной проповеди представителям всех вероучений. Голоса членов комиссии разделились практически поровну, поэтому решения были приняты противоречивые. С одной стороны, большинством в 22 голоса против 5 комиссия признала допустимость свободного распространения всеми исповеданиями своего вероучения среди инославных и иноверных, а также большинством 14 против 13 — среди православных, и поэтому постановила отменить статью 77 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, запрещающую «всякое отвлечение не только от православной, но и от других терпимых вер», и статью 90 Уголовного уложения, карающую публичную проповедь с целью совращения православных. Но с другой стороны, большинством в 15 голосов, в том числе и председателя комиссии, против 15 голосов за сохранение статьи 70 Устава о предупреждении и пресечении преступлений и статьи 4 Устава иностранных исповеданий, причем 15 при 15 воздержавшихся выступили за изложение последней статьи в смысле запрещения инославным и иноверцам проповеди своих вероучений среди православных¹².

По вопросам, не затрагивающим преимущественного положения православной церкви, таких разногласий не возникало. Например, комиссия единогласно высказалась за необходимость «ограждения ... религии ... от поругания и за оставление в силе уголовной наказуемости такового», хотя и признала желательным понизить наказание за этого рода преступления¹³. При этом незначительным большинством голосов комиссия приняла начало преимущественной уголовной охраны православия.

Единым было и мнение членов комиссии по вопросу «об ограждении свободы совести от насилия», а также по признанию принадлежности к изуверным учениям за преступление.

В связи с тем, что по многим вопросам в вероисповедной комиссии не было заметного большинства, было решено выставить два докладчика на общем собрании Думы, а именно — епископа Евлогия и В.А. Караулова. Первый должен был отстаивать принцип господства православия. Второй был известен своими либеральными взглядами, в 1883 г. он был осужден как государственный преступник, лишен всех прав состояния и отправлен на каторгу¹⁴. Но доклады так и не состоялись.

Во II сессию комиссия по вероисповедным вопросам остановилась, главным образом, на разработке предложений по законопроекту «О переходе из одного вероисповедания в другое». Главные положения в редакции комиссии сводились к тому, что 1) каждому лицу, достигшему 21 года, предоставлялось право переходить в любое вероисповедание, не запрещенное законом; 2) несовершеннолетним, достигшим брачного возраста, подобное право предоставлялось только с разрешения обоих родителей, опекунов, попечителей или усыновителей, если был один из них — то одного; 3) дети до 14 лет при переходе родителей или одного из них,

оставшегося в живых, в другое вероисповедание или вероучение следовали веро родителей или родителя; 4) переход в другое исповедание рассматривался через 41 день со дня подачи заявления, но срок мог быть отменен в случае тяжелой болезни переходящего¹⁵. Основное отличие законопроекта в редакции комиссии от министерского состояло в том, что комиссия допустила регистрацию переходов из христианских в нехристианские исповедания, правда, отказавшись узаконить вневероисповедное состояние¹⁶.

22 мая 1909 г. с докладом комиссии по вероисповедным вопросам по законопроекту «О переходе из одного вероисповедания в другое» выступил П.В. Каменский. Он показал, что «редакция комиссии несколько расширяет указ 17 апреля 1905 г.», но при этом дал оценку и министерского законопроекта, который «суживал указ 17 апреля и суживал в большей степени, чем комиссия его расширяет»¹⁷.

Обсуждение доклада было настолько бурным, что продолжалось до 1 июня. Депутат Думы протонерей Федор Никонович так описывал атмосферу, царившую в это время в Думе: «Тяжелые дни... Заседание носит характер какой-то особенный — хотелось бы сказать — зловещей торжественности. В Думе налицо почти все министры, обер-прокурор Св. Синода, его товарищи и другие. Хоры до тесноты переполнены самой разнообразной публикой, там неизменно во все дни присутствуют видные представители старообрядческого мира — Мельников, Смирнов, барон Корф и другие»¹⁸.

Причем Дума работала даже в воскресенье. Современники давали этому разные объяснения. Правые увидели в этом явное издевательство над православием, подметив, что законопроект был выдвинут октябристами и левыми с величайшей поспешностью, как раз в то время, когда православная Русь собиралась торжественно чествовать открытие мощей святой Анны Кашинской. Другие просто объясняли это стремлением решить вопрос до наступления каникул.

Но, видимо, депутаты почувствовали, что времени у них осталось совсем мало. Дело в том, что практически параллельно с внесением в III Государственную думу по императорскому указу законопроекты Министерства внутренних дел были направлены из Совета министров к обер-прокурору Святейшего Синода. 15–21 декабря 1907 г. Синод обсудил их. Главное требование членов Синода заключалось в том, чтобы «все существующие ... преимущества православной церкви были неизменно сохранены за ней и впредь, и чтобы право свободного распространения своего учения принадлежало только одной православной вере, а всем остальным исповеданиям было дозволено принимать в свои недра лишь лиц, по собственному побуждению к ним приходящих»¹⁹. В этом ключе Синод рассмотрел все законопроекты.

Председатель Совета министров П.А. Столыпин подробно изучил определения Синода, но переделывать законопроекты не торопился. Однако в апреле 1909 г. разразился «министерский» кризис. Правые члены Государственного совета обвинили премьера в том, что его кабинет и Дума явочным порядком присваивают себе особые prerogatives императора. По оценке А.Я. Авреха, последствия этого кризиса

были очень значительны. Столыпин остался у власти ценой публичного отречения от курса «реформ» и «отмежевания от октябристов». 19 апреля состоялось учредительное собрание партии умеренно-правых, выделившейся из партии октябристов и поставившей своей целью слияние с фракцией и партией националистов. В соответствии с этим в Думе взамен октябристского стал готовиться новый «центр» — умеренно-правые и националисты. Это означало перенесение центра тяжести с реформ на политику воинствующего национализма²⁰. Подобной точки зрения придерживался и В.С. Дякин, считавший, что в 1909 г. столыпинский реформаторский курс «потерпел урон»²¹.

Для спасения своего главного детища — аграрной реформы — П.А. Столыпин должен был пойти на уступки националистам. В конце II сессии (как раз тогда, когда обсуждался законопроект «О переходе из одного вероисповедания в другое») он решился забрать из Государственной думы два законопроекта: «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» и «О вызываемых провозглашенной Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейных прав». Направление переработки данных законопроектов П.А. Столыпин определил в письме к обер-прокурору Святейшего Синода С.М. Лукьянову: «Я пришел к убеждению, что большинство замечаний Синода без сомнения должны повлечь за собой исправление министерских законопроектов»²². Синодальные круги, правые были удовлетворены.

Итак, депутаты понимали, что они обязаны рассмотреть законопроект «О переходе из одного вероисповедания в другое». Обсуждение было очень динамичным. Только в первый день выступило, кроме Каменского, 14 ораторов²³.

Прежде всего, взял слово председатель Совета министров П.А. Столыпин. Его обращение к депутатам состояло в следующем: «...народ не уразумеет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством... Наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства. Не отягощайте же, господа, наш законопроект чуждым, непонятным народу привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в Русском государстве, и что утверждать его будет Русский Царь, который для слишком 100 миллионов людей был, есть и будет Царь Православный»²⁴. Но, видимо, речь П.А. Столыпина мало повлияла на депутатов. Уже в первый день стало ясно, что редакцию комиссии будут поддерживать октябристы, кадеты, прогрессисты, мусульманская группа, социал-демократы. Даже некоторые православные священники встали на защиту поправок комиссии. Так, отец А.Д. Юрашкевич заявил с думской трибуны, что «Православная церковь от этого ... закона ... много выиграет; пожалуй, она станет даже крепче», правда, потом попытался доказать, что больше выиграют все же «иноверцы»²⁵.

Впрочем, не все православные священники думали так же. Большинство из них принадлежали к правым, отвергавшим законопроект. Священник Савва Богданович так охарактеризовал главную идею вероисповедных проектов:

«Кувырчайтесь, российские люди, из веры в веру или безверие и обратно, — мы, гражданская власть, вас на это благословляем и узаконяем»²⁶. Резко выступал против законопроекта и епископ Евлогий, ставший 23 мая вообще «героем дня». Между ним и В.А. Карауловым возникла полемика, и епископ Евлогий упрекнул оппонента в «возмутительном фарисействе, лицемерии и издевательстве над правдой». За это председательствующий барон А.Ф. Мейендорф призвал епископа к порядку. «После этого начался скандал, — записал в своем дневнике депутат Думы о. Феодор Никонович, — было опасение, как бы дело не дошло до рукопашной схватки. Такого шума, кажется, еще не было ни в одном из заседаний III Думы. При этом некоторые священники из правых пришли в такое негодование, что в выражении протеста не уступали наиболее горячим светским членам Думы»²⁷.

24 мая решено было ограничить дискуссию по законопроекту пятью ораторами «за» и пятью «против».

Чувствуя слабость своего положения, правые попробовали изменить тактику. От имени нескольких депутатов они внесли предложение отложить рассмотрение законопроекта до осени, ссылаясь на многочисленность депутатов. Но 185 голосами против 152 это предложение было отклонено²⁸.

26 мая началось постатейное обсуждение законопроекта. Лидер правых А.С. Вязигин заявил, что правые участвовать в этом не будут, т.к. «никакими поправками из дурного дела хорошего не получить»²⁹, и они покинули зал заседания.

1 июня 1909 г. законопроект «О переходе из одного вероисповедания в другое» был принят в редакции комиссии по вероисповедным вопросам с небольшими изменениями.

Теперь все с нетерпением ждали реакции на законопроекты Государственного совета.

Нужно отметить, что правые считали, что имеют в Государственном совете большинство. Например, уже летом 1909 г. они писали о законопроекте «О переходе из одного вероисповедания в другое»: «Дальше законопроект этот поступит осенью 1909 г. в Государственный совет, который — это можно сказать с уверенностью — не одобрит законопроекта в том виде, в каком он вышел из Государственной думы... У Государственного совета открывается два пути: I ..., который мы бы горячо приветствовали — не принять законопроект, ибо, по закону, законопроекты, не принятые Государственной Думой или Государственным Советом — признаются отклоненными и вопрос, следовательно, исчерпанным. II..., он может признать, что, хотя законопроект, в том виде, в каком он вышел из Думы, неприемлем; но в основе, в принципе он хорош, а все недостатки могут быть устранены различными поправками, изменениями и дополнениями ... согласительной комиссии»³⁰.

В результате события стали развиваться по второму варианту. В целом, ожидания правых не оправдались. Хотя, с одной стороны, комиссия Государственного совета выступила против «принятия всех тех предначертаний, которые не согласуются с установленным Основными законами господствующим положением Православной церкви»³¹, но, с другой стороны, не отклонила законопроект. В отношении законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое» комиссия сделала

следующие замечания: Совет отверг возможность перехода христиан в нехристианство; разрешил несовершеннолетним, достигшим 14 лет, родители которых принадлежали к нехристианским вероучениям, переходить в христианство и до 21 года; по предложению Государственного совета, Святейший Синод мог допускать переход в православие малолетних детей нехристиан без согласия их родителей; Совет считал, что при перемене веры одним из супругов их дети до 21 года должны оставаться в прежней вере³².

Далее данный законопроект рассматривался в согласительной комиссии, в которую входило семь членов Государственного совета и семь депутатов Государственной думы. Причем если 2/3 думцев были заинтересованы в том, чтобы отстоять думскую редакцию законопроекта (председатель комиссии по вероисповедным вопросам октябрист П.В. Каменский, известный юрист кадет В.А. Маклаков, прогрессист А.А. Попов 2-й, кадет барон А.Ф. Мейендорф, октябрист Д.А. Леонов), то члены Государственного совета (П.М. фон Кауфман, П.Н. Дурново, П.П. Кобылинский, С.М. Лукьянов, А.П. Никольский, М.А. Стахович и Н.С. Таганцев), в основном, имели одинаковую позицию: необходимо максимально «смягчить» думский вариант. Победила вторая точка зрения.

В результате после переработки в согласительной комиссии законопроект снова поступил в Думу. Но повторное обсуждение не состоялось в связи с окончанием срока полномочий III Государственной думы.

Работа специальной комиссии Государственного совета, а затем согласительной комиссии заняла достаточно большой промежуток времени: 1909–1910 гг. Все это отразилось и на том, что делали комиссии Государственной думы. Фактически члены комиссий выжидали, они хотели знать судьбу уже разработанных ими и принятых Думой законопроектов, поэтому III, IV и V сессии комиссии занимались либо второстепенными, конкретными вопросами, либо останавливались на предварительной разработке других законопроектов. Ни по одному из них доклад в Государственной думе не был заслушан. Как писал в 1912 г. октябрист А.В. Еропкин, «... для III Думы стало очевидным, что в этой области законодательства о свободе совести в мировоззрении обеих палат лежит такая огромная разница, которую не устранишь никакими согласительными комиссиями. Стало ясно, что дальнейшая работа здесь бесплодна. Вот почему III Дума прекратила рассмотрение дальнейших законопроектов о свободе совести, поступивших из комиссий и внесенных правительством»³³.

Таким образом, деятельность комиссии по вероисповедным вопросам III Государственной думы имела большое значение, так как затрагивала такие важнейшие государственно-конфессиональные проблемы, как отношение Российского государства к отдельным вероисповеданиям и переход от одного вероисповедания в другое. Однако именно на этот период (1907–1912 гг.) пришлась смена правительственной парадигмы в решении вопроса о свободе совести. В условиях нарастающих националистических настроений кабинет П.А. Столыпина переориентировался на правых и националистов и сошел с курса постепенного введения гражданских свобод. Однако в 1917 г. Временное правительство использовало думские разра-

ботки, которые отразились в Постановлении о свободе совести от 14 июля 1917 г.

¹ Государственная дума. III созыв. Сессия I. 1907–1908 гг. Законопроекты, внесенные Министерством внутренних дел. СПб., 1908. № 15–26.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 587–589.

³ Там же. Стб. 744.

⁴ *Нисслович Л.Н.* Еврейский вопрос в III Государственной думе. Отчет члена Государственной думы. СПб., 1908. С. 21.

⁵ *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (На основании официальных и научных исследований). СПб., 1912. С. 76.

⁶ *Шингарева Н.В.* Роль МВД Российской империи в разработке законопроектов по вопросам веротерпимости и свободы совести в начале XX века // Традиции и инновации в постижении истории государства и права / Под ред. Н.В. Михайловой. М., 2009. С. 816.

⁷ Подсчеты произведены по изданию: *Боювич М.М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии). III созыв. 1907–1912 гг. М., 1908.

⁸ Подсчеты произведены по сведениям о вероисповедной принадлежности членов комиссии, данным депутатами на первом заседании комиссии: РГИА. Ф. 1278. (III созыв). Оп. 2. Д. 3582. ЛЛ. 20–20 об.

⁹ *Евлогий, митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные Т. Мухиной. Париж, 1947. С. 191.

¹⁰ *Сафонов А.А.* Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007. С. 290.

¹¹ Журналы комиссии по вероисповедным вопросам // РГИА. Ф. 1278 (III созыв). Оп. 2. Д. 3582. ЛЛ. 32 об.–33.

¹² Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III созыв. Сессия I. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 64–65.

¹³ Там же. С. 65.

¹⁴ Прямой путь. 1909. № 5.

¹⁵ *Никаноров И.* Церковные и вероисповедные вопросы в III Государственной думе. СПб., 1912. С. 41.

¹⁶ Доклад комиссии по вероисповедным вопросам в общем собрании Государственной думы III созыва (сессия 2) // Вопросы: приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в III Государственной думе. Сессия II. 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 89–91.

¹⁷ Вопросы: приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в III Государственной думе. Сессия II. 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 89–90.

¹⁸ [*Никонович Ф., протоиерей*] Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии. Витебск, 1912. С. 132–133.

¹⁹ Церковные ведомости. 1908. № 1.

²⁰ *Аврех А.Я.* Столыпин и III Дума. М., 1968. С. 16.

²¹ *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С.

5.

²² РГИА. Ф.821. Оп. 10. Д. 39. ЛЛ. 346–346 об.

²³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1753–1846.

²⁴ Вопросы: приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в III Государственной думе. Сессия II. 1908–1909 гг. СПб., 1910. С. 102.

²⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 1837.

²⁶ *Богданович С.* Сельский священник в Государственной думе. Сборник статей. СПб., 1911. С. 23.

²⁷ [*Никонович Ф., протоиерей*] Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии. С. 133.

²⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 2081.

²⁹ *Юрский Г.* Правые в III Государственной думе. Харьков, 1912. С. 48.

³⁰ Не посягайте на православие! Обсуждение в Государственной думе III созыва законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое». Вильно, 1909. С. 92.

³¹ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. 12.

³² Государственный совет. Сессия VI. Особая комиссия для обсуждения внесенных из Государственной думы законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое» // Государственная дума. Созыв III. Сессия 5. 1911–1912 гг. Материалы согласительных комиссий и Государственного совета по возвращенным в Государственную думу для нового рассмотрения законопроектов. СПб., 1912. Т. I. С. 35–37.

³³ *Еропкин А.* Что делала и что сделала III Государственная дума (ответ кадетам). СПб., 1912. С. 67–68.